Стена человеческая

ГЛАВЫ ИЗ РОМАНА

ИСИКАВА ТАЦУДЗО

Вернувшись к себе в комнату, Фумико быстро собралась в путь: надела шерстяной свитер, поверх него — пальто, а голову замотала шалью. Она еще не успела выставить все отметки. Но ничего не поделаешь, надо же найти мальчика. Если его там нет, все это будет впустую. Она не обязана заниматься этим, это не входит в ее функции, как сказал Итидзё. Но, тем не менее, ей хотелось сходить туда. Никто не возлагал на нее этой обязанности, но сердцем она чувствовала, что это ее долг.

Присев на край веранды, она натянула резиновые сапоги. Дождя не было, но в них будет теплее, да и по песку удобнее идти в сапогах. С незажженной лампочкой от велосипеда в руке она вышла за калитку. Зимний ночной ветер холодил губы.

На улице огни были погашены почти во всех лавочках. «Итидзё, конечно, высмеял бы меня»,— думала она. В ночном небе резко прозвучал гудок паровоза; по ту сторону улицы послышался грохот поезда. Дыхание Фумико превращалось на воздухе в белоснежный пар.

Улица выходила на большой железнодорожный переезд. Издали ярко светились красные и зеленые сигнальные огни. Они четко выделялись в морозном воздухе. На этом переезде когда-то попал под поезд сын плотника — Асаи Есино. Пересекая бесконечные ряды рельсов, Одзаки Фумико чувствовала страх, от которого у нее все внутри холодело. «Ведь я могла бы ничего этого и не делать — мелькнуло у нее в голове.— Разве не достаточно заниматься только школьными делами? Я иду искать Канаяма Акио совсем не для того, чтобы поставить это себе в заслугу. Да и все равно я его не найду. Может быть, он сегодня вечером уже вернулся домой, к отцу...»

Фумико пересекла новое шоссе и вышла на пустырь, покрытый засохшей травой. Она зажгла фонарик. Вдруг из-за кучи отбросов выскочила костлявая собака и с лаем убежала прочь. Сюда уже доносился шум волн, которые ветер бросал на берег. Насыщенный парами моря, ветер казался плотным и тяжелым. Приглушенные резиновой обувью, шаги звучали как-то неприятно и жутко. Она шла торопливо, как будто стараясь догнать скользящий перед нею дрожащий круг света от фонарика.

Ряды сосен на берегу моря гудели под резкими порывами ветра. За ними чуть белела песчаная отмель, а там, где кончался песок, метались белые гребни волн. Ветер срывал с них брызги и швырял их вместе с подхваченным с берега песком. Фумико шла наискось к берегу. Небо было сплошь черное. В море ни единого огонька. Темнота такая, что она казалась беспросветным мраком вечности.

Пройдя сосновую аллею, Фумико вышла на дорогу, тянущуюся вдоль взморья, и направилась прямо по ней. Ее щеки и лоб были холодны, как лед, а с шеи на грудь капал пот. Порой в робком кружке света, излучаемого велосипедным фонариком, мелькали то раковины, то выброшенные на берег и засохшие водоросли, то побелевшие на солнце кости. Она готова была расплакаться. Различные чувства теснились в ее груди — и страх, и горечь, и жалость, и печаль...

Там, где кончался песок, в море вдавался скалистый отрог. Вокруг него высоко взлетали волны, с грохотом разбиваясь о скалы. Временами в темноте вдруг возникал и веером раскидывался как бы белый занавес. Под ногами хрустел песок. Пальто на Фумико совсем промокло.

Она примерно представляла себе, где находится та пещера. Но чтобы пойти туда, надо было набраться нового мужества. А для того чтобы войти в нее, требовалась еще большая смелость, даже готовность на смерть. Одзаки Фумико охватил такой ужас, что, казалось, волосы на голове встали дыбом. Кто знает, а вдруг из пещеры выскочит какой-нибудь зверь, или головорез-мужчина, или что-нибудь еще хуже.

Остановившись шагах в десяти от входа в пещеру, она направила на него свет фонарика. Но он светил так слабо, что ничего нельзя было различить. Она подошла ближе. Блестя в лучах фонаря, со скалистого потолка пещеры падали капли воды.

— Канаяма-кун?..

В пустоте глухо откликнулось эхо. Пещера была неглубока. В том месте, где был небольшой изгиб, Фумико заметила сжавшуюся в комочек человеческую фигуру, прикрытую куском рогожи. У Фумико от страха перехватило дыхание.

Окончание. См. „Азия и Африка сегодня" № 2 и 3 за 1962 год. Полностью роман Исикава Тацудзо „Стена человеческая" выйдет отдельной книгой в Издательстве иностранной литературы в переводе Т. Григорьевой, В. Константинова, Б. Лаврентьева, Л. Левина и В. Логуновой

Ей хотелось крикнуть, но голос не повиновался. Повернуться и бежать было страшно. Подойти и убедиться, что это живое существо,— тоже боязно. Нагнувшись, она потихоньку схватила щепоть гравия и бросила его вглубь. Рогожа шевельнулась, и из-под нее выглянуло детское лицо.

— Канаяма-кун, это ты? — с надеждой воскликнула учительница.

Мальчик не двигался, его ослеплял свет фонаря.

— Почему ты здесь?.. Это я! Я, учительница Одзаки...

Она осветила фонариком себя. Мальчик сбросил с плеч рогожу. Это был Канаяма Акио.

Воздух в пещере был спертый и сырой. Он лип к стенкам гортани, мешал дышать. Мальчик продолжал сидеть, уперевшись щеками в торчащие колени, и даже не поднял головы.

— Канаяма-кун, тебе нельзя здесь оставаться,— ласково сказала учительница.— Тебя ищет отец. Все беспокоятся о тебе! Пойдем домой. Ладно? Пойдем вместе со мной.

В кружке бледного света видна давно не стриженная голова. Тоненькие пальцы рук покрыты песком и грязью. Грубый нитяной вязаный джемпер. На локтях дыры. Нет пальто, нет ничего теплого.

— Замерз?.. Ты ел что-нибудь? Пойдем, поедим. Слышишь? Я угощу тебя... Что тебе тут делать? Ты меня понимаешь? Твой папа приходил в школу. Он очень беспокоится, ищет тебя. Ты должен вернуться. Ну, давай, пойдем! Слышишь? А потом поедим чего-нибудь горячего.

Пещера тонула в грохоте волн. Сквозь их непрерывный рев послышался слабый звук. Это плакал мальчик. Задыхаясь, он старался сдерживать рвавшиеся из груди рыдания, всхлипывал и стонал.

У Фумико похолодело в груди. Мальчик плакал негромко, он не жаловался никому, не рыдал. В его плаче звучала вся скорбь маленькой человеческой жизни, вся горечь одиночества. Это был скорее не плач, а лай или вой животного. Казалось, мальчик так измучен жизнью, что не знает, что с ней делать дальше.

Этот ребенок уже потерял веру в жизнь. Он бросил дом, бросил родителей, лишился крова и пищи, ему негде преклонить голову.

— Ты что-нибудь ел?

Акио отрицательно покачал головой. Он ничего не ел. Владелец аптеки Наоки, кажется, уверен, что человеку ничего не стоит украсть, когда он проголодается. А этот ребенок терпеливо переносил голод. Он честный, многообещающий мальчик.

— Ну, пойдем!

Учительница встала. Канаяма Акио, сильно ослабевший, уперся руками в землю и с трудом поднялся на ноги. Пошарив рукой за выступом скалы, он вынул оттуда сверток.

— Что это у тебя?

— Книги...— тихо ответил он.

Акио взял с собой учебники и карандаши, завернув их в виниловый платок, тот самый платок, в котором учительница Одзаки принесла ему тетради и карандаши, когда первый раз пришла в эту пещеру. Бежав из дому, мальчик захватил с собой книги. Он знал, что придется думать только о том, как бы не умереть с голоду. И тем не менее он взял с собою книги. И вчера вечером, укутавшись в сети, он прижимал их к своей груди.

— Дай, я понесу книги,— сказала Фумико и взяла у мальчика сверток. Ей было жаль изголодавшегося ребенка, который так ослаб, что еле держал книжки.

Вокруг стало еще темнее. Брызги и водяная пыль дождем падали на скалу. Руки и ноги мальчугана совсем закоченели.

Сняв с головы красную чешскую шаль, учительница укутала шею и плечи Акио.

— Ну, потерпи еще немножко! Пошли!

И она снова зашагала вперед, своим телом защищая мальчика от резкого ветра. Идти трудно: резиновые сапоги вязнут в песке. Канаяма Акио старается шагать в ногу с ней — он привык ходить по этому песчаному взморью. Одзаки Фумико хотелось угадать, о чем он сейчас думает, что собирается делать дальше. Хочет ли он вернуться домой к мачехе, а если нет, то чего он ожидает от нее, Фумико?

Когда они миновали песчаное взморье и вышли к сосновой роще, Акио вдруг остановился.

— Что с тобой? Не можешь идти?

Мальчик припал к стволу толстой сосны и устало сказал:

— Сэнсэй... Я останусь здесь... А вы идите домой...

Акио знал, что у него нет дома, нет места на земле, где бы он мог почувствовать себя счастливым. Ведь и учительница для него — совсем чужой человек. Нет никого на свете, кто взял бы на себя ответственность за него.

У Одзаки Фумико сжалось горло. Она поняла, что не может оставить мальчика на произвол судьбы. Надо на что-то решиться.

Верхушки сосен пели под ветром, как флейты. Кругом стоял такой глубокий мрак, что ей казалось, будто у нее завязаны глаза. Молча обняв Акио за плечи, она опять пошла вперед, увлекая его за собой.

— Ладно, ладно, пойдем, поедим чего-нибудь... А потом можно будет и подумать, что делать. Ни о чем не беспокойся: ведь ты еще ребенок. Я что-нибудь придумаю.

Свет велосипедного фонарика совсем ослаб, только у самых ног еле-еле мелькал робкий кружок.

— Сэнсэй...— начал было мальчик, качая головой, но тут же расплакался.

— Ничего, не надо плакать. Потерпи еще немножко! — старалась ободрить его Фумико, вернее, не столько его, сколько самоё себя.

Наконец пустырь кончился. Они перешли через безлюдное новое шоссе, и когда пересекли железнодорожный переезд, была уже глубокая ночь.

Одзаки Фумико свернула к станции: там еще не закрылись на ночь столовые. Она не говорила Акио о том, что его отец подал в полицию заявление о розыске. Ей не хотелось волновать его: надо было, чтобы ребенок возможно скорее забыл об этом несчастном случае, чтобы не осталось шрама у него в душе.

В небольшой закусочной напротив станции горел свет. Учительница заказала для Акио горячей лапши. Ей есть не хотелось, но, чтобы мальчик не смущался, она взяла лапши и для себя. Акио ел покорно и медленно. Наевшись, он положил палочки для еды и обеими руками вытер слезы.

Из закусочной Фумико повела Акио к себе, но по дороге заставила его подождать, а сама, сделав небольшой крюк, зашла в полицейскую будку и сказала дежурившему там полицейскому, что пропавший мальчик нашелся и на эту ночь она возьмет его к себе. Она попросила полицейского сообщить об этом отцу мальчика — Канаяма Торадзи, который живет в общежитии каменноугольных копей.

К ней домой они добрались лишь к одиннадцати часам. Учительница разворошила в жаровне горячие угли, засыпанные золой, и заварила зеленый чай.

— Вот, посмотри, это все работы учеников класса Б. Сегодня ведь были экзамены. Все так прилежно занимаются... С завтрашнего дня ты ведь тоже будешь ходить в школу, да? А о домашних делах не беспокойся. Я думаю, что твой папа завтра утром обязательно придет... Ты ведь любишь папу?

Акио молча кивнул головой, продолжая греть над жаровней маленькие, закоченевшие руки. Фумико ничего не спрашивала его о новой матери — и без того все было ясно.

Намочив тряпку горячей водой, учительница стала обтирать ею руки и ноги мальчика.

— А ну, давай ту ногу. Ой, какая она у тебя грязная! Надо ее почище обтереть.

Маленькая, но крепкая нога. Вдруг Фумико заметила, что у мальчика глаза полны слез. Может быть, он вспомнил свою родную мать? Он изголодался по материнской ласке. Истосковался по матери, которая мыла ему ноги, готовила пищу, стирала белье, по матери, которая стригла ему ногти. В его возрасте ребенок чувствует себя счастливым только тогда, когда он окружен любовью и лаской матери.

Но надо уложить его спать: он так устал от бродяжничества. Постельных принадлежностей у Фумико было мало. Но она вытащила одеяло, пальто, плоские подушки для сидения и смастерила мальчику постель.

— Мне еще надо поработать, а ты ложись и спи. Наверное, устал?

Оглянувшись, она увидела, что Канаяма Акио уже спит. Он спал, чуть приоткрыв рот, положив левую руку на глаза, как будто заслоняясь от света электрической лампочки. Учительница Одзаки смотрела на лицо спящего мальчика, как бы молясь в душе. «Да низойдет на него счастье, пока он спит...» И тут она почувствовала, что в ней незаметно для нее самой проснулось материнское чувство.

Утром на следующий день Канаяма Торадзи не появился даже в девятом часу. Одзаки Фумико отправила Акио в школу. Сегодня опять экзамены. Она даже подумывала о том, что, может быть, Акио не стоит посылать в школу, пока не определилось, что с ним будет дальше. Но он и так страдал оттого, что пропустил один день и отстал от других.

Фумико вышла из дому позднее, чем обычно. Ветер стих, стояла теплая зимняя погода. Придя в школу, она сразу же направилась в кабинет директора училища и рассказала ему о том, что произошло вчера.

Директор Кумаи слушал ее, прихлебывая свой утренний зеленый чай, куря сигаретку и как-то смущенно мигая глазами. Но когда она кончила, он поднял голову и сказал:

— Большое вам спасибо! Я считаю, что вы поступили совершенно правильно. Да-а, просто беда: в бедных семьях то и дело происходит что-нибудь такое... Ну, а что вы думаете делать дальше, сэнсэй?

— Да как вам сказать... Я, собственно, еще не решила, что делать. Я думаю, что в данном вопросе я не могу поступить, как мне заблагорассудится.

— Да, да, конечно. Как учительница вы оказали вполне достаточную помощь, и этого, я думаю, довольно. Почему же, однако, за ним не пришел отец?

— Да-а, я тоже не понимаю, чем это объяснить. Я сообщила в полицию и просила передать отцу, так что он должен бы знать...

— Действительно... Пожалуй, я тоже позвоню в полицию, попрошу сообщить ему. Может, сказать, чтобы он пришел за ним

Рисунок И. Блиоха

к концу уроков? В таком случае я сам смогу предупредить его, как человека, ответственного за мальчика. Пожалуй, этого и хватит...

— Но, господин директор...— взглянула на него Одзаки.— мальчик снова убежит.

— Почему?

— Но ведь основная причина, по которой он убежал из семьи, не устранена, и если все останется, как есть, то жизнь дома будет для него еще более невыносимой, чем прежде. Мне так кажется... Уж очень жаль его!

Директор взглянул на учительницу, несколько озадаченный.

— Видите ли, Одзаки-сэнсэй,— начал он, нарочно растягивая слова,— я понимаю, что вы хотите сказать, но учитель не может идти так далеко и вмешиваться в семейные дела своих учеников. Конечно, жаль, что у мальчика не налаживаются отношения с мачехой, но это не такой вопрос, который может решать учитель. Подобные вещи должны решаться внутри семьи, ее главой. Если есть опасность, что мальчик снова убежит, то разве недостаточно для учителя предупредить об этом отца? Если после этого обстановка в семье улучшится, то и слава богу. Но даже если и не улучшится и ребенок снова убежит, то вся ответственность падет на отца, который обязан заботиться о сыне, к учителю же никаких претензий предъявить нельзя, ибо он ничего не может сделать. Лично я так считаю, а как думаете вы?

Мнение директора обосновывалось правильными и последовательными рассуждениями. Несомненно, оно было подсказано ему долгим тридцатилетним опытом педагогической работы. Однако Одзаки Фумико не могла согласиться с ним.

— Возможно, вы правы. Но... мне кажется, что семья семье рознь. Ведь если есть семьи, отцы которых могут нести полную ответственность за них, то имеются и такие, полагаться на которых нельзя. Верно? Я слышала, что «новая мать» Акио — как раз такой человек, которому нельзя доверять. Мне кажется, что от вашего предупреждения не будет никакого толку. А это значит, что ребенку не останется ничего иного, как снова бежать из семьи. Мне хотелось бы придумать что-нибудь еще до того, как это случится.

— Что же можно сделать?

— Я думаю... не взять ли мне на некоторое время мальчика к себе, пока отец и мачеха не одумаются.

— Нет, это совсем не годится,— безапелляционно заявил директор Кумаи.— Прежде всего на это нет никакой надежды. Ведь какой бы дурной женщиной ни была его вторая мать, для его отца она жена.

Разговор оборвался. Директор, не зная, как поступить, закурил вторую сигаретку и, нервно затягиваясь, по-видимому, старался прийти к какому-то решению. Прозвучал звонок, оповещавший о начале занятий. Шум на спортивной площадке на какое-то время усилился.

— Может, сделаем так? — сказал наконец директор.— Сообщим через полицию отцу, чтобы он пришел сюда за мальчиком, и втроем, то есть я, вы и отец, обсудим, как поступить. Может быть, тогда и появится какая-нибудь хорошая идея. А одни мы, посторонние люди, сколько бы ни думали, правильного решения не найдем. Ведь верно? Как вы думаете?

— Хорошо...— тихо ответила Фумико.

Поклонившись, она вышла из кабинета директора, торопливо подбежала к своему столу, схватила книги, тетради и выскочила в коридор. Канаяма Торадзи появился в училище в половине третьего. Он пришел прямо из шахты, в рабочем костюме и в дзикатаби[1]. Войдя к сторожу Андо, он сказал, что пришел по вызову директора.

Канаяма Торадзи слушал директора, потупив голову. Когда в кабинет вошла Одзаки Фумико, он вскочил и стал благодарить ее, то и дело кланяясь. Что он говорил, трудно было разобрать.

— Я тут немного поговорил с ним, дал ему кое-какие советы,— с сияющим лицом сказал директор.— Если вы хотите сказать ему что-нибудь еще, пожалуйста!

По дороге сюда Фумико обуревали гнев и жалость, хотелось о многом сказать отцу Акио. Но, увидев перед собой жалкую фигуру отца, от которого сбежал родной сын, она не нашла слов. Отец — это все-таки отец, и, конечно, он переживает и мучается по-своему, иначе, чем учитель.

— Вчера я без вашего разрешения оставила Акио ночевать у себя. Было уже одиннадцать часов вечера...

— Очень вам благодарен! Он доставил вам столько беспокойства...— снова начал кланяться Торадзи.

— А сейчас мне хотелось бы поговорить с вами о дальнейшем,— начала было Фумико, но он сразу же прервал ее:

— Извините, пожалуйста. За все это несу ответственность только я, и я уж постараюсь больше не доставлять вам никаких хлопот. И с Акио я как следует поговорю, и вообще сделаю что-нибудь...

— Акио-кун — хороший, подающий большие надежды мальчик. Но он еще ребенок, и я прошу вас, будьте повнимательнее и поласковее с ним, хотя бы до тех пор, пока он не перейдет в среднюю школу. Очень прошу вас! — только это и смогла сказать она. Это был предел, за который учитель не мог выходить. Ребенок принадлежит не учителям, а отцу и матери. Работа преподавателей, профессия учителей ограничена определенными рамками. Есть место, недосягаемое для учителя,— это семья ученика. Когда воспитание в семье стоит на неправильном пути, то воспитательная работа в школе становится похожей на траву без корней. Именно семья — основа жизни ребенка.

Воспитание детей зависит главным образом от отца и матери, от поведения родителей. Сейчас по всей Японии дети получают новое, демократическое образование, но их родители остались такими же, как прежде. Дома детей окружают те же нравы, обычаи и чувства, что и раньше. Что делать с этим противоречием?

До конца уроков оставалось уже немного времени, и было решено, что Канаяма Торадзи подождет в комнате сторожа, а потом возьмет Акио домой.

— Если будет нужно, пожалуйста, обращайтесь ко мне по любому вопросу,— сказала на прощанье Фумико.— Если возникнут какие-нибудь недоразумения или трудности, говорите все мне. Акио-кун так любит школу!

Попрощавшись и выйдя из кабинета директора, она с облегчением вздохнула. До самой глубины души она почувствовала, какое сложное существо — человек.

Перевел с японского

В. Константинов

---

[1] *Дзикатаби* — полотняная рабочая обувь на резиновой подошве, без каблуков.